

НАДЕЖДА
НЕЛИДОВА

**МОЛЧАНИЕ
ДЕВЧАТ**

Надежда Нелидова

Молчание девчат

«Издательские решения»

Нелидова Н.

Молчание девчат / Н. Нелидова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966595-9

Из обезболивающих — в лучшем случае укол новокаина. И грозный рык врача:— Чего орёшь? Поменьше надо было перед мужиком ноги раздвигать! Помогает стопроцентно: вопли из абортария мигом утихают. В самом деле, у врача нервы не железные: с утра до вечера слушать вопли, как в гестапо. Но самая лучшая анестезия: крупная тёплая рука медсестры. В наиболее невыносимые, мучительные моменты сжимаешь эту спасительную руку сильно-сильно...

ISBN 978-5-44-966595-9

© Нелидова Н.
© Издательские решения

Содержание

МОЙ ПАРЕНЬ РАБОТАЕТ В МСУ	6
БАНДИТ, БАТРАК	13
ЖЕНЯ-ЖЕНЕЧКА И АРТЮША	24
МОЛЧАНИЕ ДЕВЧАТ	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Молчание девчат

Надежда Нелидова

© Надежда Нелидова, 2019

ISBN 978-5-4496-6595-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МОЙ ПАРЕНЬ РАБОТАЕТ В МСУ

Было начало девяностых: время молодое, голодное, весёлое и до слёз наивное. Все грезили о справедливом шведском капитализме и жизни в розовом домике на стриженном газоне. В нашей газете печатались трогательные объявления: «Куплю квартиру за пять ваучеров и мешок сахара». Из редакционного коллектива не прогадала только Катя, купившая на ваучеры холодильник.

Нынче летом я интересовалась судьбой пяти чубайсовской бумажек, вложенных в местное предприятие. За тридцать лет набежал 1 рубль 87 копеек. Рулончик туалетной бумаги не купишь. Это я к тому, что, мол, время было весёлое. Разрешено всё, что не запрещено.

Однажды в редакцию позвонили. Собеседник представился Антоном. Он желал прокламировать собственный малый бизнес: встающий на ноги, неокрепший и нуждающийся в защите от произвола местного чиновничества...

Когда я узнала, с кем имею дело, первым желанием было негодующе, возмущённо отказаться. И вторым желанием – отказаться, и третьим – тоже. Потому что выяснилось: под рекламой молодого неокрепшего предпринимательства подразумевалось... раскручивание агентства по оказанию мужских интим-услуг.

Антон походил на молодого католического священника. Разговаривал тихо, вкрадчиво и убедительно, заранее смиренно готовый к неразумной и неадекватной реакции паствы... в смысле, аудитории.

– Сформировалось крайне негативное, порицательное мнение к данному виду сервиса, – говорил мой собеседник, и на его нежных щеках цвели стыдливые розочки. – Как преподносится эта актуальнейшая, серьезнейшая проблема? Сразу начинаются пошлые двусмысленности, слюнявое смакование деталей, детское хихиканье в ладошку, всякого рода насмешки, пугалки, нелепицы. Каждый мыслит в меру своей испорченности.

«Ну что ж, – подумала я. – Отчего хотя бы из познавательных целей не написать о древнейшей профессии, освоенной мужчинами?»

Мой визави был категорически против употребления вульгаризма «мальчики по вызову». Потому выражался деловито и кратко: мужской профессиональный секс. Сокращённо МПС: не путать с министерством путей сообщения. Или: мужские сексуальные услуги: МСУ (не путать с монтажно-строительным управлением).

Собеседник обещал сломить закостенелое общественное мнение относительно малоизвестного, а потому обросшего слухами подпольного сервиса. И с этим он, на мой взгляд, блестяще справился.

А вот вашу покорную слугу, к её стыду, то и дело тянуло на взбрыкивающие вопросы. На что каждый раз я выслушивала от собеседника исполненное достоинства, тихое, укоризненное: «Не уподобляйтесь своим коллегам».

Антон взялся развенчивать устаревшие и ошибочные мнения, что...

Секс нужен только мужчинам. А женщины без него прекрасно обходятся.

Лев Николаевич Толстой как-то сказал с усмешкой: «А я о женщинах всю правду перед смертью скажу. Скажу, прыгну в гроб и захлопнусь крышкой: достань меня тогда!»

Да ведь он уже тогда отлично понял истинную женскую суть. На самом деле именно женщины испокон веку являются вдохновляющей, руководящей и направляющей сексуальной силой. Они – заядлые увлечённые охотницы, а мужчины – пассивные объекты охоты. Они придирчиво выбирают, ощупывают, заглядывают в рот, безжалостно отменяют негодный товар, а мужчины покорно выстраиваются перед ними в невольничий ряд. Смир-рна! Р-разговорчики в строю!

А чтобы данный шокирующий факт не выглядел столь грубо и откровенно, женщины придумали всякие дамские штучки. Искусно обставили происходящее охами-вздохами, слёзками-истериками, милыми слабостями, таинственными недомоганиями, обольстительными капризами.

А что мужчины? Им остаётся из остатков жалкого мужского самолюбия поддерживать навязанные правила игры. Чтобы уж совсем не потерять лицо.

Миф №2.

...Недостойно и противоестественно женщинам платить жиголо и альфонсам.

Позвольте, а что мы имеем сегодня? Половина женского населения страны давно везёт на хрупких плечах своих благоверных. Те либо безработные, либо имеют смехотворные зарплаты, либо пропивают и прокуривают львиную долю семейного бюджета.

То же самое подтвердят свободные дамы в годах. Современного мужчину можно завлечь в постель разве что бутылочкой сорокаградусной, закуской, штопкой-постирушкой-глаженьем, подношениями в виде носков, крема для бритья и туалетной воды, и иными унижительными приманками.

Разве это не скрытая плата за знаки мужского внимания? Причём знаки эти чаще всего бывают жалки, неумелы, грубы и скупы, и не оправдывают сотой доли затрат на них.

Как правило, клиентки психоневрологов и сексопатологов – одинокие женщины, а если замужние – значит, тоже одинокие, непонятые и страдающие.

Врач беседует с ними, выписывает таблетки и стыдливо прячет глаза и деньги. Потому что прекрасно знает: таблетки тут не помогут. Пациентка платит за иллюзию, за обман, за placebo. Врачебный бизнес процветает на женском одиночестве и неудовлетворённости.

А рецепт на лекарство один, радикальный: «Хар-рошего бы тебе мужика, бабонька». Да где его возьмёшь, хорошего-то мужика?!

Миф №3.

...Дама может обойтись без МСУ, решив проблему одиночества через службу знакомств и газету брачных объявлений.

Антон общался с десятками женщин, которые пытались устроить семейные (или хотя бы партнёрские) отношения именно таким образом. И остались страшно разочарованными.

Одиноким сорока-, пятидесятилетним мужчинам – это, как правило, сэконд хэнд с явными и тайными дефектами. Уценённый товар, в прямом смысле пошедший по женским рукам. Заметьте, при этом он искренне почитает себя исключительно высшим сортом! И уж особо высокое самомнение у самих заваливающих и плохоньких.

Лично Антон знал некоторых женщин, которые отчаялись создать семью. Они возлагали надежды хотя бы на «романтические необременительные нечастые встречи» даже «с несвободными мужчинами». Куда уж унижительней: это как пощёчина, плевков в лицо.

Бедняжки мечтали: ужин при свечах, благоухающие розы, изысканное вино, предупредительный кавалер...

Заявлялся всё тот же плюгавенький, полный амбиций мужской народец ростом 160 см, даже обручальное кольцо не удосуживался снять. Сыто раскидывался в постели: ну приступай, ублажай, люби меня по-французски. Раз сама звала – значит, есть что показать. А если случится пробуксовка по мужской части – значит, плохо старалась.

Миф №4: из-за МСУ распространяются СПИД и другие «нехорошие» болезни.

– На самом деле, – румянился Антон, – МСУ есть гарантия безопасности на самом высоком уровне. Испытанные средства предохранения, еженедельный тщательный врачебный осмотр у специалистов высшей квалификации, платные исследования анализов в современных оснащённых лабораториях. При этом – профессиональный, аккуратный подход к исполнению обязанностей, в процессе которых нет места экспромту и суетливости.

Разве где-нибудь в купе поезда или после дискотеки в порыве вспыхнувшего влечения вы потребуете от партнёра (партнёрши) наличие презерватива и справку на предмет вензаболеваний? Пожалуй, в ответ дама расплатится и даст вам по морде, а ошалелого кавалера как ветром сдует. Тогда как требовать соблюдения правил гигиены от поставщика МСУ так же естественно, как требовать чистоты рук у повара и стерильности инструментов у врача. Быстро, недорого, удобно, безопасно.

Миф №5: в МСУ нуждаются только страстные женщины-вамп.

Это не так, – волновался Антон. – Среди наших постоянных клиенток есть несколько типичных «серых мышек». Тридцатишестилетняя бухгалтерша из райцентра, назовем ее Татьяна. Она долго откладывает из своей зарплаты, чтобы раз в квартал приехать к Антону.

Если бы вы видели, какие у них нежные отношения. Он встречает её на автовокзале с цветами, они бросаются друг другу в объятия и замирают в позе Тристана и Изольды. Спешащие мимо люди с завистью, нежно и грустно любят ими как парой с другой планеты.

Два дня Антон и Татьяна не размыкают рук и не вылезают из постели. Расставаясь, они плачут. Его ждут любимая жена, двое маленьких детей и... другие клиентки. Она возвращается домой, посвежевшая, ожившая, буквально напоённая впрок любовными соками. И ни односельчане, ни коллеги из бухгалтерии, глядя на её сияющие глаза в тёмных полукружиях, не могут предположить, где же в эти дни пропадала их сутуленькая невзрачная «бухша».

Известно, что все женщины в любви делятся на кричуний и молчуний. Зато потом, едва отдышавшиеся, счастливые, усталые – они все говорюньи.

Никнут прелестными растрёпанными головками на горячее мускулистое плечо. Неумело затягиваясь, курят, попивают из бокалов лёгкое вино. Смеются, плачут и – и говорят, говорят, говорят: не могут наговориться, будто до этого тысячу лет жили на необитаемом острове.

В числе наших клиенток не редкость жёны новых русских и чиновников. От нервов, от сидячей малоподвижной работы, от неумеренных возлияний и потребления жирной сладкой пищи у высокопоставленных мужей часто случается конфуз в интимном плане. Их рабо-

чий инструмент (вы понимаете, что я имею в виду) некорректно ведет себя по отношению к молодым и красивым жёнушкам.

Многие незамужние женщины и бездетные пары пытались с помощью МПС решить проблему рождения здорового красивого ребенка. Единственный раз агенство пошло навстречу. Поставщик услуг работал с гарантией, плата шла отдельной строкой и на порядок выше.

И что вы думаете? Счастливая шустрая парочка фиктивно развелась и подала на алименты, предъявив результаты ДНК. После суда (не в нашу пользу) агенство отказалось от этой благородной идеи. А так же впредь решило не экономить на штатной юридической единицы.

Между прочим, – подчеркнул Антон, – с помощью МСУ можно прекрасно отомстить мужу-гулёне.

Одна клиентка рассказывала: «Как узнала, что мой ходит налево, готова была убить. К счастью, на глаза попался нужный телефон. Дважды воспользовалась вашими услугами. Возвращалась за полночь, таинственно и беспечно улыбаясь, слегка пахла вином, дорогими сигаретами и изысканным мужским одеколоном. Муж было полез с кулаками, а я: „Ах, тебе можно, а мне нельзя?!“ Что вы думаете? Забеспокоился, задумался, любовницу бросил, живём душа в душу...»

Обращаются в агенство бизнес-вумен, которым необходим эскорт: мужчина, присутствующий на деловых переговорах, фуршетах, раутах. Требования: брутальность, безукоризненные внешние данные, атлетическая фигура, костюм от кутюр, светская выправка. Умение при необходимости поддержать беседу, прекрасно танцевать, делать массаж, водить автомобиль, управлять яхтой и... молчать. При этом знание иностранных языков приветствуется.

А есть просто одинокие женщины, такие как серая мышка Татьяна, – они заслуживают сострадания. Была бы воля Антона, он бы делал скидки, ввёл дисконтные карты, обслуживание в кредит... Но совладельцы бизнеса против.

Страшная штука – женское одиночество. Кого-то оно иссушает, высасывает, превращая в жёлчных старых дев. Кто-то с головой уходит в работу. Кто-то заводит кошечек-хомячков-попугайчиков.

– А вы, – спросил однажды Антон у новенькой клиентки, сорокалетней банковской служащей, – как вы до сих пор выходили из положения, пока не обратились в наше агенство?»

Она опустила глаза :

– Мне одна верующая дала бумажку с молитвой. Посоветовала: когда становится невыносимо, дьявол начинает вводить в грех, нужно повторять молитву вслух. Я читаю, и мне становится легче. Однажды ночью я прочитала молитву 342 раза...

Мужчины, если вас ещё сколько-то осталось в огромном женском монастыре, именуемом «Россия», сгорите со стыда, читая эти строки. Лично Антон сгорел до кучки пепла.

МИФ №7. Запретив МСУ, общество покончит с пороком.

В советское время курортные деревянные скамейки пестрели скабрёжными надписями: «У нас нет домов терпимости, зато есть дома отдыха». В Советском Союзе и секса, как известно, не было.

Зато у граждан была широкая возможность сколько угодно прижиматься животом, ягодицами, пахом и иными интимными частями тела друг к другу в общественном транспорте в час «пик». Привычно прятаться в кустах, автомобилях, гаражах, лифтах, учрежденческих туалетах... В совершенно асоциальных и антисанитарных условиях...

Запрещая – предлагай. Запрещайте, господа, если вам есть что предложить взамен. Чем может заменить одинокой женщине праздник (пусть недолгий): объятия, цветы и любовь, – чиновник и депутат, запрещающий легализацию МПС? Бессонные ночи в холодной постели, безумные крики в мокрую подушку, застывшую тоску в глазах?

Наши мужчины разучились знакомиться и красиво ухаживать за женщинами. Отсюда огромное количество одиноких, жаждущих мужской ласки женщин и при этом... возрастающее число изнасилований.

Клиентка МПС рассказывала: с подругами ходили в ресторан. За соседним столиком веселилась чрезмерно возбуждённая компания парней. Пригласили танцевать, но не столько танцевали, сколько пытались тискать, лапать и утянуть в тёмный угол зала: «Ну чё, типа как не родные?» За грубостью и развязностью явно маскировалась безграмотность в ухаживании, полное отсутствие умения общаться с противоположным полом.

Когда испуганные девушки резко отказали, последовала озлобленная реакция. Посыпались оскорбления: «А за каким вы сюда припёрли, если не за этим?! Нечего недотрог из себя разыгрывать», – и даже угрозы «после поквитаться».

К счастью, рядом праздновали какой-то юбилей семидесятилетние (!) ветераны. Они заступились за девушек, церемонно вальсировали и даже лихо рок-н-роллили с ними весь вечер. Любезно вызвались проводить до троллейбусной остановки – и очень кстати. За ресторанной автостоянкой мелькнули и скрылись тени давешних «ухажёров». Явно поджидали...

Миф №8: общество прекрасно обойдется без всяких МСУ.

На это хотелось бы привести статистические данные: «В России существует избыток невест. На одну тысячу молодых мужчин одиноких – 51, на тысячу женщин – 97, больше в два раза. Громадные половые диспропорции на брачном рынке губительно влияют на все любовно-брачно-семейные отношения. Из тысячи женщин до 85 лет доживает 232, мужчин – 76. Раз-

ница в продолжительности жизни между полами более 13 с половиной лет. В развитых странах эта разница составляет 5—6 лет...»

К сожалению, данные устарели. Сегодня картина ещё более удручающая.

За последние два века физиология мужчин и женщин претерпела изменения. Объем таза у мужчин увеличился на 8 сантиметров, а у женщин на столько же уменьшился. Вы обращали внимание, сколько вокруг грудастых и задастых мужчин? А усатых и бородатых женщин бальзаковского возраста?

Тому виной избыток мужского гормона тестостерона. Женщины превращаются в мужчин! Такое иногда происходит в природе: когда не хватает мужских особей, самки берут их функции на себя.

«Пора, наконец, эту проблему решать в государственном масштабе. Вам, например, известно, сколько в стране одиноких людей? Это же угрожающая цифра, честное слово...»

Ведь одинокий человек – это что такое? Всё это отражается на производительности труда. В конечном счёте, одинокий человек неполноценно трудится. У него голова забита совершенно другими проблемами».

Узнали взволнованный, трогательный монолог Лии Ахеджаковой (руководителя районного клуба по интересам) из фильма «Москва слезам не верит»?

Ей Богу, в конце интервью я готова была присвоить этому святому человеку, благородному миссионеру, этому отечественному подвижнику и первопроходцу, звание «Заслуженный работник» или, на худой конец, вручить грамоту «За оздоровление общества».

– Сегодня рынок МСУ находится в забитом, зачаточном состоянии. Но, поверьте, придёт время – и эти услуги будут широко востребованы! – патетически воскликнул собеседник. – Дать женщине почувствовать себя Женщиной – что может быть прекрасней и благородней! – - Ещё немного – и истосковавшаяся женская половина страны введёт для себя повсеместно МПС и МСУ.

А почему бы нет, подумала. Ввели же дамы услуги ателье, прачечной, косметического салона, быстрого питания, уборки на дому, мужа на час... Быстро, недорого, удобно, безопасно.

И в Турцию ездить не надо.

БАНДИТ, БАТРАК

В тот зимний вечер многие из стоявших на площади, и Ляля в том числе, заметили длинного сутулого парня, переминавшегося в ожидании автобуса нетерпеливее всех. И не мудрено: на нём не было обуви. То есть совсем ничего не было, даже носков.

Мороз стоял градусов тридцать и выше. Парень приплясывал, поджимая огромные посиленные ступни. Окружающие реагировали, как у нас принято, сдержанно. Исподтишка показывали на него пальцами, качали головами, перешёптывались. Только одна общительная бабушка настойчиво советовала парню зайти в ларёк погреться.

Ляле на ум пришёл детский стишок:

*Косой, косой,
Не ходи босой.
А ходи обутый,
Лапочки закутай.*

Раньше она работала воспитателем в садике. Тут подошёл автобус, пассажиры хлынули в салон. Ляля тоже впрыгнула. И парень загремел босыми чугунными ступнями на заднюю заиндевевшую площадку. Впрочем, температура в автобусе немногим превышала уличную.

Пассажиры на время забыли о странном разутом человеке. Он выскочил на Лялиной остановке и припустил кенгурячими прыжками к коттеджному посёлку, где она жила. Скрылся в строящемся кирпичном доме по соседству. Там, надо полагать, над ним поахали, обогрели, растёрли ноги и немедленно выдали шерстяные носки.

Спросите, как Ляля, садиковский воспитатель со смешной зарплатой, оказалась в коттедже? Время было такое: девяностые. Кто смел, тот и съел. Под лежащий камень вода не течёт. Не хлопай ушами. Не будь лапшой – это из садиковского фольклора. Имениннику понарошку трепали уши и приговаривали: «Расти большой, не будь лапшой».

Вообще-то Ляля по жизни была именно лапшой. И муж Юра рос тихоней. Рассказывал, как одноклассники подлавливали и впихивали его то в девчачью раздевалку, то в девчачий туалет.

Потом Юра ушёл в армию, где его на первом году службы деда тоже беспощадно буцкали. Ну а на второй год он сам полноправно буцкал салаг. Вернулся домой другим человеком, будто подменили парня.

– Ого, – говорили однокашники, кто не уехал из города, и пытались мять каменные мускулы под футболкой.

– Того, – подтверждал он и вдруг резко сбрасывал бесцеремонную руку. Заламывал её за спину и держал так некоторое время. Шутя, понарошку – но чувствительно. Оставались чёрные синяки.

Сержант-землячок, с которым скорешились в армии, устроил Юру водителем к новому русскому. Юра тут же оказался втянут в хозяйские разборки. А там обвыкся, огляделся, надел малиновую водолазку, чёрную кожаную куртку и пошёл в бандиты. В киллеры. Время, повторяю, было простое, прямое, суровое: девяностые.

Молодое зарождающееся капиталистическое общество, как молодую неустойчивую планету Земля, потрясали катаклизмы. Вскипали океаны, воздвигались и рушились материки, извергались вулканы, вздыбливались горы. Готовилась колыбель для будущего поколения. Которое, если верить плакатам и учебнику истории, должно было жить при коммунизме. Но вот так всё повернулось...

Устояли на крепко расставленных ногах единицы. Ну, десятки, ну сотни, в том числе Юра. Сжав тяжёлые рукоятки холодного и огнестрельного, сказали про горы и моря, леса

и недра, про заводы и фабрики, магазины и хлебопекарни: «Это моё». Как точку пулей поставили. «Кто-то что-то имеет против?» Против не имел никто.

Юра с Лялей познакомились на улице. Она цокала на сбитых каблучках на работу. Он медленно катил на диковинном в то время, заграничном длинном лаковом авто.

– Красуля, подвезти?

– С незнакомыми в машины не сажусь.

Вечером она сдала с рук на руки припозднившейся мамочке последнего малыша. Вышла за низенькую лилипутскую калиточку – а там Юра с миллионом алых роз. Ладно, не с миллионом, но с сотней точно.

– Будем знакомы. Юра, 27 марта 1967 года рождения. Место проживания улица Заводская, 23—99. Время рождения ноль часов 30 минут, роддом №2. Могу предъявить соответствующую ламинированную бирку. Теперь можно вас подвезти?

Ляля расхохоталась, тряхнула упругими пружинками локонов. Имя полностью оправдало её кукольную внешность. Или наоборот. Кудряшки, тугие целлулоидные щёчки, нежный круглый румянец. Ресницы, будто купленные в круглой прозрачной коробочке в отеле косметики. Не девушка, а мечта бандита.

Об их свадьбе долго говорили. Мальчишник отметился тяжкими телесными. Мероприятие закатили в самом дорогом ресторане на пятьсот человек. Свадебный подарок оригинальный.

Двадцать три машины с гостями, привлекая внимание всех прохожих, оглушительно сигналя, подъехали к коттеджному посёлку. Ляля в воздушном платье, под цвет рдеющих щёчек, подобрав невесомое облако фаты, вышла и увидела...

Обвёрнутую в целлофан, перевязанную многометровой атласной лентой двухэтажную кирпичную коробку, с кокетливо взбитым гигантским бантом на макушке, на крыше... Рулон целлофана и полтора километра ленточки ушло на подарочную упаковку.

Лялина деревенская мама, учительница, не столько обрадовалась, сколько испугалась такого подарка. И жениха тоже. Прижимала пальцы к разгоревшимся щекам: «Ах, доченька, тут нужно десять раз подумать». Думать было поздно.

В ресторане она забилась-спряталась за колонну, так что Юре пришлось её вытаскивать. Дыша водкой, и селёдкой под луковой шубой, бормотал: «Обижаете, тёща. Что вы как неродная. Так сказать – почёт и уважение. Как вы есть мамаша...»

Юра самолично забрал Лялины документы из отдела кадров гороно: будешь сидеть дома. Единственное, что вытребовала Ляля: что она сама полностью займётся домом и участком. Она была куклой-куклой, но с деревенскими корнями. И, при хрупкости плеч и талии, ручки и ножки у неё были крепкие, полненькие, плотные, твёрдо стоявшие на земле.

– Твоё дело. Чем бы дитя ни тешилось, – сказал рассеянно Юра. Он шёл на поводу капризов любимой молодой жёнушки. Предупредил: – Но, когда родишь наследника – сразу найму няньку и домработницу.

Он всегда был чуть задумчив, отрешён, отстранён. Вроде здесь, разговаривает с тобой, а сам мыслями далеко-далеко. И поперечная угрюмая складка на переносице не разглаживается, с которой ещё из армии пришёл...

Вообще, молодожёны редко пересекались. Работа у него была ответственная и опасная – дважды с огнестрельными лежал в больнице. Ляля ему таскала кастрюльки с протёртым супчиком с зеленью, с витаминными салатиками – всё с собственных грядок.

– Юр, тут у соседей парень батрачит. Найму его землю раскидать?

– Блин, да хоть бригаду нанимай, – психовал Юра. – Чего ерунду-то спрашиваешь?

Специфика работы не могла не сказаться на характере Юры: он стал портиться. Тогда говорили: быкует парень. Нередко, когда он звонил, в мембране слышались матерная брань, женские взвизги и смех. Ляля старалась не брать близко к сердцу. Любит ведь: даёт деньги, дом полная чаша.

На звонки не отвечал сутками. Ляле было не привыкать: бывало, что не давал о себе знать и по месяцу. От дурных мыслей отвлекала возня по хозяйству.

Но в любой момент за кирпичной оградой могли мягко прошуршать шины. Из машины вылезал Юра: с букетом цветов, бутылкой коллекционного, с мятыми коробочками с бриллиантовыми серёжками, колечками, колье. А чаще и коробочек не было: наморщив лоб, небрежно копался, выуживал из кармана, сдувал табачные крошки.

Ляля равнодушно складывала драгоценности в сервант: в кольцах с бриллиантами не больно поковыряешься в земле.

Раньше у Юры всегда в багажнике бултыхались канистры и фляги для воды. Централизованного водопровода в посёлке не было, каждый выкручивался, как мог. Когда пробурили скважину, вода пошла глинистая, мутная: то белая, то коричневая.

– Нужно выждать, сама себя прочистит, – пообещал мастер, пряча в карман крупную сумму: тогда бурение было делом экзотическим, дорогим.

Однако время шло, а вода густела и, в конце концов, забила насос.

– А я что, ясновидящий? Насквозь землю вижу? – огрызнулся бурильщик. – Не в тот пласт попал. Тут ведь как повезёт. Как пальцем в небо: попадёшь – не попадёшь. У нас было чего по договору? По договору было, что я сверлю на семь метров. Я просверлил, чего ещё надо-то?

– Тот или не тот пласт – это ваши проблемы, – чуть не плача, настаивала Ляля. – По конечному пункту договора, мы должны остаться с водой...

– Хотите быть с водой – пробурю. Но за каждый метр доплачивайте по прейскуранту.

– Не буду! Ваши геодезисты ошиблись в расчётах, а я плати...

Бурильщик отmaterил Лялю и бросил трубку. Как раз в тот вечер приехал Юра: усталый, обугленный лицом. По собственному признанию, выжатый как бочковый мартовский огурец.

Ляля нажаловалась. Юра слушал, молча хлебал суп. Не доев, рывком отодвинул тарелку, встал – тоже молча. Взял у Ляли адрес «деятеля». Вернулся за полночь и, ничего не объяснив, свалился и уснул мёртвым сном.

На следующий день спозаранок прибыла целая бригада бурильщиков под руководством «деятеля». Тот вибрировал, нервничал, прятал от Ляли глаза. Бур ушёл в землю на семнадцать метров, как в масло.

Долго пропускали воду, и мастер – так же трусливо и злобно отводя глаза – протянул Ляле банку с чистой хрустальной, голубоватой водой. Даже отпил и льстиво причмокнул: «Ах, вкусна, зараза! Сок Земли!»

– Будет знать, – кратко резюмировал Юра, когда Ляля ему пересказала события утра и вскипятила чайник с действительно удивительной, вкусной водой. – Думаешь, он по своей воле прискакал? Вчера вечером вывезли в лес на пару часиков. Всучили лопату, велели копать ямку метр на два. Поддержали над ней на коленках под травматом... Живо шёлковый сделался. Все деньги вернул как миленький – впредь будет наука. У меня время дорогое.

– Юра! – в ужасе закричала Ляля. – Это же преступление! А если бы он с утра не к нам, а к прокурору поехал? Ведь тебя бы посадили!

– К прокурору? Да он в штаны наложил, это ссыкло.

Повторяю, шли девяностые годы. Проблемы решались споро и честно. Вор? Да, вор. Убийца? Да, убийца. Время было откровенное.

Не такое лживое, как нынче. Когда по телевизору пиджак рвут, на амбразуру телекамер бросаются, брызжа кислотной слюной и божась в любви к Родине. А денюжку и детишек – всё за грани-ицу, за грани-ицу.

Даже киллеры нынче работают по-другому. Пиф-паф, ой-ой-ой отошли в прошлое, это позавчерашний день. Нынче убирают скучно, безопасно, с подстраховкой. Устраивают, допустим, несчастный случай, смерть по неосторожности.

Идёт ничего не подозревающий человек по тротуару – а на него автомобиль вылетает и вмазывает в стену. Человек, естественно, всмятку. Не нарочно: дамочка-блондинка за рулём, или знак «новичок».

Или идёт человек к подъезду – а ему на голову падает трёхлитровая банка с огурцами. Не будут же судить бабу-раззяву, с чьего балкона рухнула банка.

Или, там, курил мужик, потягивал коньячок, виски, пиво. Кайфовал. Уснул – устроил пожар, сгорел. Предупреждают же пожарные: «Избегайте курения в постели в нетрезвом виде». «Непотушенный окурочок может стать причиной возгорания». Чего с него взять, с окурка?

Да тысяча и один способ существует, как практически бескровно и безопасно убрать «мишень». И следователям работы меньше.

– Грубый век! Грубые нравы! Романтизму нету, – вздохнул бы сокрушённо герой Вицина.

Тогда, в девяностые, не маскировались, не прятали истинных намерений. Сразу видно было: кто есть кто, кто в чьём окопе. Убивали и говорили: «Ну да, убиваю. И что дальше?» Грабили – «Да, граблю. Кто-то что-то имеет против?» И поигрывали стрелковым оружием.

Против не имел никто.

Летом случай свёл Лялю и соседского парня-батрака ближе. Серёга – так звали парня – признался, что босиком в тридцатиградусный мороз чесал именно он. Новенькие ботинки с него сняли урки, «зажав» за кинотеатром. Окружающие наблюдали за ограблением посреди бела дня, как у нас принято, сдержанно: то есть никак.

«Случаем» же, познакомившим их, были громадные, вываленные КРАЗом у Лялиной изгороди кучи торфа и перегноя. Ими она собиралась облагородить огород.

Собственно, огорода ещё не было. Были семь соток вывороченной глубинной глины, тут и там пронизанной чудовищным переплетением ржавой арматуры. Даже бурьян решительно отказывался здесь расти.

Ляля суежилась с тележкой у этих куч, как лилипут у подножия египетских пирамид. Юра в больнице, раненный в плечо. Вот тогда она заикнулась:

– Юр, у соседа парень батрачит...

Серёга за несколько вечеров после работы, играючи разбросал эти кучи. Будто их не бывало – по КРАЗу за вечер.

Он оказался парнем не сильно разговорчивым, не избалованным особым вниманием к своей персоне. Лишь очередная настрелянная дорогая сигарета (Юрин ящик был забит грабничными блоками) ненадолго развязывала ему язык.

Ляля выяснила, что Серёге двадцать шесть лет. За плечами строительное училище, есть права на трактор. Второй год квартирует у соседей. Те купили недостроенный дом, и работы в нём было выше крыши.

Спал на полке в недостроенной баньке. Вкалывал по двенадцать часов и больше. В выходные скидывал грязную рвань, передевался в чистое: свитер, кроссовки, модная замшевая куртка. И, преображённый, забрав заработанный за неделю капитал, отправлялся в город: всегда пешком, чтобы не тратиться на автобус.

На Лялин вопрос:

- Девушке на мороженое, Серёж? – краснел:
- Не. К сестре иду.
- Ты сам не местный?
- Из района.
- А где до этого работал?
- На птицефабрике. Уволили, потом обратно взяли. Потом опять уволили.
- Ты что, пил? За что уволили-то?
- Я не балуюсь этим.

Он ухмылялся во весь рот, показывая крепкие крупные жёлтые зубы. Их можно было бы назвать великолепными, если бы не отсутствие двух передних резцов. Выбили урки, когда он защищал свои ботинки.

Серёга снова спокойно брался за лопату, вилы и тележку. Благо, заказов с Лялиной стороны не убывало. Нужно было утеплять чердак, копать дренажную канаву, ставить столбы для собачьего вольера, натягивать сетку.

Постепенно Серёга перестал выкладываться на соседской работе. Хозяин же, бывший военный, человек в этом отношении был консервативным. Требовал дисциплины, как на советском заводе. Серёгин напарник шваркнул бейсболкой о землю и ушёл, произнеся страстный монолог на тему: «Будь проклята эксплуатация трудящихся!». Двое других спешно нанятых рабочих не проработали и недели.

Серёгин работодатель понял, что дешёвая рабсила вот-вот уплывёт в руки другого покупателя, то есть Ляли. Обещал накинуть полтинник в день. Но вкусивший сладость вольных хлебов Серёга от него ушел.

На Лялин вопрос, где же он собирается жить, беспечно махнул рукой:

- У друга на птицефабрике. Когда и сестра пустит ночевать.

Однажды этот двадцатишестилетний дяденька с обвисшими тяжёлыми руками, краснея и смущаясь, попросил разрешения иногда играть на Лялином компьютере. Открылась, наконец, одна, но пламенная страсть, сжигавшая невеликий Серёгин капитал.

Стало понятно, отчего у него вечно втянуты под скулы худые щеки, почему он никогда не откажется от стакана чая и куска хлеба с колбасой. И почему голодный блеск в глазах тушит ежечасно стреляемыми сигаретками.

В начале прошлого века наёмный работник, чтобы забыться от беспроектной жизни, тащил нажитое в кабак. В конце двадцатого века батрак прожигал деньги в компьютерных играх.

Он с закрытыми глазами мог найти любой игровой салон. Знал где дешевле, у кого чаще обновляется игротека, чьи игры круче. И на целую ночь уходил из постылой реальности в захватывающий, яростный и сладкий виртуальный мир.

Так вот отчего на заработки Серёга являлся к часу дня с подпухшими от недосыпания глазами. Вот отчего на птицефабрике ему дважды указывали на дверь.

- Жену бы с жильём тебе, Серёжа, найти.

Он смущённо обнажал в улыбке частично выбитые лошадиные зубы:

- Мне все так говорят.

Ляля вспомнила одноклассницу: та перенесла в детстве полиомиелит, и у неё были проблемы с ногами. Но на лицо она была просто писаная красавица: вылитая «Незнакомка» Крамского. Брюнетка, надменный профиль, сросшиеся брови. И при этом хромоножка – бывает.

Но ведь и Серёга был не без физического дефекта. Дефект становился виден тогда, когда он скидывал рубаху и загорал: два симметричных небольших горбика на спине и груди. Но всё равно в своей замшевой куртке он становился первым парнем на деревне. А сутулость при

хорошем росте и широких плечах даже придавала ему некий шарм. Так что пара из них получилась бы хоть куда.

Ну вот, эта самая одноклассница Ляле давно уши прожужжала, почему никто в городе не поднимает тему о досуге инвалидов. О вечерах, где бы люди с физическими недостатками не сидели в четырёх стенах, а встречались и устраивали свои судьбы.

Вот Ляля и предложила ей Серёгину кандидатуру. Ведь никто не заставляет их сразу расписываться. Пусть поживут, присмотрятся друг к другу. Зато он из её любимого огорода сделает игрушечку, загляденье. А то, что мужчина по уму большой ребёнок, так это, наоборот, плюс, любая жена скажет. Лялина знакомая думала неделю, извелась, похудела даже – и отказалась.

Никто не любит однообразную, тяжёлую и грязную работу. Никогда Ляля не видала, чтобы труженики лопаты и вил, метлы и совка, мастерка и отбойного молота – приступали к работе с огоньком, с шутками-прибаутками, с энтузиазмом.

Наоборот, люди в спецовках и фуфайках перед работой всегда точно впадали в оцепенение, в летаргический сон. Зябко поёживались, долго с опаской переминались, хмуро сунув руки в карманы, нерешительно перекуривали, похаживали вокруг да около...

А Серёгу точно в розетку включали: это был вечный двигатель, оживший робот. Безотказная машина по копке, разгрузке, переноске, распиловке и прочему немудрёному труду, работающая неустанно, мощно и ровно.

Ляля задумывалась. А ведь родился Серёга немногим раньше – и всё обстояло бы иначе.

Родная страна заключила бы его с рождения в горячие железобетонные объятия – захочешь, да не вырвешься. Суровый, но справедливый седоусый наставник у станка. Пионерия, комсомол, местком, профком, партком.

Если б вдруг мозги взболтало и вынесло – быстро вправили бы пропесочивание на активе, товарищеский суд. Доска позора, презрение коллектива, общественное порицание. Было ещё очень эффективное средство: принудительное лечение в ЛТП (лечебно-трудовое предприятие).

Но было и гарантированное место на ударной стройке, и койка в рабочем общежитии. Выполненные и перевыполненные соцобязательства, призовые места в конкурсах профессионального мастерства.

А там, при Серёгиных-то трудолюбии, исполнительности, безответности, пролетарском происхождении и детдомовском прошлом – и до партбилета недалеко.

А там – чем чёрт не шутит – сидел бы Серёга, простите, Сергей Петрович в красном (нынче жёлтом) депутатском кресле в Москве. Принимал законы, по которым жила страна, жили бы Юра с Лялей. И кем бы они были, Юра с Лялей, если бы не перестройка?

Перевернули ли девяностые жизнь с ног на голову? Или расставили по своим местам? Кто знает.

Очень скоро Серёга переделал по хозяйству всю неподъёмную работу. Остальное Ляле самой было под силу. Пора было подумывать о расставании.

Не тут-то было. Кроме Ляли, никого у Серёги в городе не было. А от таинственной сестры толку было мало. Его долговязая фигура то и дело возникала за калиткой:

– Хозяйка, не нужно чего сделать?

А так как он в любую погоду из города до коттеджей добирался пешком – то не развернёшь же его, да ещё голодного. Приходилось выдумывать работу по мелочи, куда деваться. Как ни крути, но по Лялиной вине Серёга лишился соседского куска хлеба и крова.

Ляля выписывала из газет номера организаций, куда требовались рабочие руки, подсовывала ему их. Серёга отмалчивался, беззубо улыбался. А назавтра снова горбился за калиткой:

– Хозяйка, работа есть?

Выяснилась причина Серёгинаго постоянства и унылой привязанности к Лялиному дому: у него не было не только жилья, но и прописки тоже. Без чего его, естественно, никто не брал на работу.

– Паспорт-то у тебя хоть есть? – с отчаянием спрашивала Ляля.

– У друга где-то должен быть.

Нет, какое поразительное легкомыслие! Вопрос о жилье приобретал остроту с каждым днем. Мать друга в фабричном посёлке ругалась и гнала Серёгу. К сеструхе в комнату не пускали соседи, угрожая вызвать милицию.

Ляля через Юру обращалась к знакомому мебельщику, к строителю. Не найдётся ли у них местечка сторожа и по совместительству работающего, изумительного, редкого по нынешним временам работяги? Но предпринимателям очень не нравилось отсутствие прописки у Лялиного протеже.

И вдруг Юра, по обыкновению стариковски морща лоб, сам предложил:

– Это... У меня командировки затяжные ожидаются. В Среднюю Азию. Давай твоего батрака в сторожа. Клетушка в подуподвале у нас пустует. Всё не одна будешь, не так страшно.

– Этот батрак такой же мой, как твой, – обиделась Ляля. А сама передохнула с облегчением.

Как всё началось.

Ляля выписывала через Интернет-магазин редкий сорт пиона, когда компьютер начал глючить, подличать и вредничать. Это уже не впервые было. В прошлые разы она вызывала Серёгу: тот, оказывается, сообщал в «железе».

Выглянула со второго этажа в окно: Серёга любовно укладывал из разноцветных камней-голышей затейливую дорожку.

– Серёж!

Был июль, жара несусветная. Юра обещал кондиционер, но всё ему было некогда. А пока она сидела, разомлевшая, в сарафане, одно название. Кусочек ситчика, ямочки-шнурки сползают с плеч. Влажные ноги, закинутые друг на друга, скользят.

Ляля заметила: жара оказывает на человека странное, гипнотическое влияние. Именно знойными сонными днями обволакивает истома. Сам собою, как у птенчика, открывается ротик и дышит прерывисто.

Ах, всё-таки нужно было чердак выстилать, как в деревенских избах, песком, а не опилками и дорожным керамзитом. И тепло пропускают, и опасно, в смысле пожара.

Вошёл по пояс голый Серёга, блестел от пота, будто смазанный маслом. Жилистый, сильный – его бы на плакат: «Лучший тренажёр – это физический труд». Горбы... Ну, что горбы. Их и не заметно почти под буграми мускулов.

Она хотела встать и уступить Серёге стул – он слегка подавил ей на плечо: мол, не надо, я быстро. Склонился, его лицо почти касалось Лялиного лица. Пахло от него не кислым потом, как от Юры, а... ничем не пахло.

Хотелось бы сказать: ветром и солнцем, но ветер и солнце не имеют запаха. Их губы были слишком близки, чтобы не соединиться. Ляля сделала открытие: поцелуй – это маленький, вполне себе полноценный половой акт, только через рот.

Юра не любил целоваться. Чмоки-чмоки вытянутыми трубочками губами. Он у Ляли был первым и единственным, ей до этого не с чем было сравнивать.

Постель с Юрой – это был как прогноз погоды в программе «Время». Душ, подмывание, целомудренно и предсказуемо животик на животик.

Лялины руки охватывают Юрину спину, глаза привычно находят знакомые разводы на деревянном потолке, в форме Домовёнка Кузи. Кузя раскачивается в такт быстрым мелким толчкам. Всё-таки лучше было натяжные потолки: дерево простовато и старомодно. Вот шторы удачные: скользкие, тяжёлые, хорошо драпируются. И плотные, не пропускают свет: Юра не любит заниматься сексом при свете.

Вот через три минуты раскачивания прекратились: можно по секундомеру отслеживать. Юра беспорядочно дёргается, сотрясается мелко, как кролик. Замирает, падает на Лялю, отдувается. Всё. Душ, подмывание, чистое бельё. Когда Ляля возвращается, Юра спит там, где упал: головой на её подушке.

С Серёгой, оказалось, мука только начиналась. У него, как обычно, даже в самые-самые моменты сохранялось бесстрастное, ничего не выражающее лошадиное лицо. И «работал» он с Лялей, как работал с землёй, с дровами, с камнем. Как включённая машина: бездушно, неумимо, мощно, ровно, без сбоев. Поначалу даже стало страшно.

Откуда, из каких потайных уголков он узнал Лялины преступные, бесстыдные, ужасные мысли, которые она не осмеливалась озвучивать даже наедине с собой? Он легко, играючи вертел её на ковре так и эдак, кувыркал, выламывал, укладывал, переворачивал, приспособливал, как вещь. Ляля не подозревала в своём теле таких пластических способностей... Не знала, что можно терять реальность, взмывать, взрываться и извергаться бессчётное количество раз.

Вскрики, стоны, мычанье и прочее звуковое сопровождение – это для новичков, слабаков и актёров порнофильмов. Проникая, сливаясь тысячей и одним способом, они только тяжело, загнанно дышали. И не отрывали друг от друга полузакрытых глаз.

Животы похожи на белые купола церкви, перевёрнутые книзу. Макушки куполов наливалась тяжестью, горели огнём. Казалось, вся кровь устремлялась туда, скапливалась, концентрировалась, пульсировала там. На пике страсти он вдруг рывком выходил из пылающей, изнемогающей Ляли, валился отдыхать на ковре, раскинув руки.

Целомудренная Ляля бесстыдно, возмущённо накидывалась на него, тормошила, даже била кулачками. Заползала на него как таракашка, лихорадочно целуя и ошупывая, обшаривая язычком на его теле всё, что попадалось на пути. Наконец достигала цели: ахнув, увенчивала собою его купол.

Врастали друг в друга сокровенные точки, скользкие и горячие от сока, набухшие жаркой кровью сердцевинки...

Застукал их Юра банально, по-дурацки, как герой литературной классики. Нашёлся Яго из числа дружков или телохранителей. Как в тупом анекдоте: возвращается, значит, муж из командировки...

Возвращается, открывает дверь спальни. А там в медленном, сладострастном темпе вздымаются, запрокидываются, опадают молочно, тепло белеющие в полутьме голые тела. Ляля застонала и открыла глаза. В дверном проёме стоял Юра.

Вообще, Юра был хоть накачанный, но аккуратненький, небольшого роста. Но Ляле в тот момент показалось: он заполнил весь проём, не помещаясь, раздвигая головой и плечами дверные косяки. Каменный гость, статуя Командора.

Потом острая боль в виске, белая вспышка в глазах – и чёрный провал.

Очнулась от бешеной тряски и качки: уткнувшись носом в засаленную велюровую обивку сидений, почему-то запахканной свежей кровью. Всхлипнула носом, до краёв полным тёплой густоватой жидкостью, и поняла: её кровью. Сиденье пахло нечистыми мужскими задами, автомобильным освежителем, табаком.

– Ожила, сучонка.

Её больно схватили за волосы: они слиплись и присохли в комок на виске. Приподняли голову, заломив шею так, что ещё миллиметр – хрустнула бы и сломалась.

Белые бешеные Юрины глаза. Процедил на ухо с болью, чтобы слышала только она:

– Чего тебе не хватало, тварь? Чего тебе ещё не хватало?!

– Оставь её, Юрок, не пачкайся. Мы тебе давно намекали...

– Хлебала заткнули. Не ваше пёсье дело.

Снова удар, белая вспышка и провал. Потом невыносимый, сотрясающий тело до последней клеточки холод. Сырая, осыпающаяся комочками земля вокруг. Обрубленные крупные и мелкие корни деревьев торчат перед глазами из земли.

Они с Серёгой, голые, связанные, тесно, почти друг на друге, лежат в глинистой ледяной воде. Вверху в четырёхугольном отверстии качаются ели, сыплют в яму хвоинки и колючий осенний дождь.

– У-тю-тю. Как шпроттики улеглись. Юзайтесь там досыта. А сверху камнем придавим: «Даже смерть не разлучила нас». Хых.

– Заткнись, – это Юрин голос вверху.

Ляля смотрела много иностранных фильмов и читала романы про любовь и смерть. Там любовники бы на прощание слились в страстном поцелуе. Предварительно бы плюнув в лица убийц кровью и сказав им гордо: «Фак ю». Или умоляли бы убить: он – себя, и она – себя. Только пощадите её (его).

Всё было по-другому. Ляля бы отдала всё на свете, чтобы её вытащили из ямы, чтобы ей – жить, жить... Отдавать было нечего. Всклипывала:

– Юра, опомнись, никогда... прошу, умоляю. Только тебя...

– Заткнись.

– Молилась ли ты на ночь, Дездемона? – это кто-то из Юриных дружков проявил начитанность.

– Ах, гад!

Наверху слышались звуки драки: Юра бросился на шибко умного остряка и знатока Шекспира.

– Брось, хозяин. Давайте кончать, светает. Ещё забрасывать.

Первый же шлепок мокрой рассыпчатой глины упал на лицо. Тлела в Ляле крохотная надежда на то, что их просто пугают, как бурильщика. Что вот сейчас харкнут на них сверху слюной и словами, и раздастся шум отъезжающих машин. Пускай даже верёвки не распутают: сами как-нибудь освободятся, выкарабкаются.

Глина посыпалась чаще, полными щедрыми лопатами. Ляля уже не дрожала, её колотило и подбрасывало. Зубы то выбивали дробь, то скрипели, сжимались чуть не в крошево.

– Скажи, что беременна.

Это Серёгины ледяные, твёрдые губы пошевелились в Лялино ухо. Только дыхание было горячим. «Скажи ему. Что в тебе ребёнок. Ребёнок. В тебе. От него».

До Ляли дошло.

– Юра! Я беременна! От тебя! Юрааа!!

– Б-дь, ещё она... Не слушай её, Юрок. На понт давит. В хайло ей земельки сыпани, чтоб не брехала.

Земля летит, сыплется чаще: видимо, помогают ногами. Снова наверху Юрин рык. Спрыгивает прямо на Серёгу. И топчется на Серёге, на его ломающемся, хрупающем лице, на сворачиваемых набок хрящах носа. И режет злобно, рывками, ножом верёвки на Лялиных закоченевших, занемевших руках и ногах. Матерясь, помогает ей подняться.

Она не стоит на ногах, и он толкает её, пинает везде. Но старается не попасть в живот. Он якобы брезгует (на самом деле держит лицо перед корешами) и, чтобы не касаться Ляли, тащит её за волосы.

Она запачкает салон машины, и Юра раскрывает багажник. Там на дне резиновые коврики, тряпки, кусок полиэтилена. Толкает её в багажник, забрасывает тряпками. Ляля сворачивается и замирает, как в самой мягкой в мире колыбели.

Последнее, что она видит: усердно, споро, суетливо склоняющиеся и разгибающиеся мультяшные фигуры с лопатами. Хлопают плашмя, тщательно затаптывают, подпрыгивают. Кто-то ногами сгребает охапки мёртвых листьев и забрасывает бывшую яму.

– Я ведь визнаю, кто отец. Сейчас ведь даже по ногтю, по волосу можно узнать. Так что моли своего бабского Бога, чтобы мой был. Если не от меня обрюхатела – сюда же обоих из роддома привезу. К папашке этому, батраку. Втроём как голубки будете лежать. Поняла?

«Поняла, Юрочка, поняла». Ей кажется, она кричит, но губы только беззвучно шевелятся. С силой, так что машина сотрясается, хлопает крышка багажника. Она проваливается в блаженное небытие.

Юра никогда не узнал, его или не его ребёнок. Как и то, что ребёнок был выдуман, и Лялин живот, по-девичьи плоский и втянутый, был пуст. Через день Юру убили на стрелке. Всех троих убили, которые участвовали в Лялиной и Серёгиной казни. Время было, повторяю, простое и суровое, без трындежа: лихие девяностые.

Так что никто Ляле, как неверной жене, претензий не предъявлял. Дома и драгоценностей в пользу общака не отбирал. Ляля осталась владелицей огромного – тогда других не строили – особняка.

В Юру выстрелили и снесли половину лица, так что гроб не открывали. Ляля не могла избавиться от воспоминаний, от жуткого хруста Серёгиного сворачиваемого набок носа, скул под тяжёлыми Юриными берцами. Подумала, что возмездие существует. Муж никогда не узнал, что ребёнок выдуман. Утром его убили на стрелке. Всех троих убили, которые участвовали в Лялиной и Серёгиной казни. Время было, повторяю, простое и суровое, без трындежа и базара: лихие девяностые.

В Юру выстрелили и снесли половину лица, так что гроб не открывали. Ляля вспомнила жуткий хруст под тяжёлыми берцами Серёгиных сворачиваемых набок носа, скул. Возмездие существовало.

Детский сад (она вернулась на работу) переехал на Михалёвские дачи. Сотрудники пошли за грибами: лес находился прямо за забором.

Ляля отбилась. Шла по дороге и заметила уходящие вбок, едва заметные в высокой сочной траве колеи. В них ярко, стёклышками синела вода. И вдруг открылась опушка. Вытоптаный глинистый пятачок с сильно просевшей ямой посередине. Она стояла над той ямой, когда за её спиной не звякнула лопата. Она оглянулась...

Я знаю её историю – Ляля настолько устала носить в себе страшные подробности, что вывалила их на чужого человека, на меня. Профсоюз тогда пытался защитить её от увольнения, попросил черкнуть заметку в газету. Но на вопрос, зачем водила малышей в лес – Ляля только неопределённо усмехнулась и пожала плечами.

Провожать меня вышла заведующая.

– А за Елену Евгеньевну не беспокойтесь. Её такой интересный мужчина к дачам выходит встречать. Высокий, широкоплечий. Рабочего вида, в рубахе, иногда с лопатой. Сына у неё нет – для ухажёра вроде молодой. Лет на двадцать её моложе. Мы от любопытства умираем – а она отмалчивается, такая скрытная.

Пока я шла вдоль дач, за изгородь вылетел мячик. Я поймала его, перебросила девочке лет шести с пышными синими бантами.

– Ты из группы Елены Евгеньевны?

– Да.

– Она вас в лес гулять водила. Она там что, искала кого-то?

– Нет. К ней дяденька выходил. С лопатой. Лопату отложит, на пенёчке сядут, разговаривают. Иногда Елена Евгеньевна плакала. Иногда, – девочка потупилась, – они целовались. Потихоньку, чтобы мы не видели.

– Дяденька страшный?

– Нисколечко! Но он какой-то... – девочка наморщила лобик, – ни на кого не похожий. Как будто не настоящий.

Тут девочку окликнули, и она побежала играть, в косичках подпрыгивали синие банты.

У самой Ляли мелко трясётся голова – это очень старит её. И волосы приходится красить часто, очень часто. Месяца не проходит – белоснежно высвечивается седая полоса на проборе. Дети трогают пальчиками Лялины волосы: «Ой, Елена Евгеньевна, какие у вас красивые волосики! Блестящие и беленькие, как снег!»

Да, она водила их в лес. Старые ели смыкали кроны так плотно, что дождь шуршал наверху, а внизу было сухо и уютно. По ногам будто настелён ламинат из хвойных иголок. Гуляли, собирали с ребятами грибы и шишки для поделок. Смотрели муравейники высотой с детскую веранду. Она учила, как определять север по мшистым стволам, если потеряются.

Но детям в этом лесу ничто не грозит, она знает точно. *Он* безжалостно и методично мстит только взрослым, сильным мужчинам с жёсткими глазами, жёсткими руками.

ЖЕНЯ-ЖЕНЕЧКА И АРТЮША

Хлопотно одинокой женщине иметь свой дом, без мужской руки – пусть и маленький, деревянный.

А Женя привыкла, справлялась. Недавно провела газ и воду, накопив с куцей учительской зарплаты. Была несмышлёнышем в электрике – теперь сама заправски устраняла мелкие неполадки.

И так, чего ни коснись – во всё, до мелочей приходилось входить самой. Дом ей достался от родителей. Могла бы обменять на благоустроенную квартиру, но уже не представляла жизни в многоквартирном улье-муравейнике.

Иногда коллеги, такие же безмужние женщины в годах, зывали Женечку к себе отметить Новый Год, 8 марта, или просто на девичник по случаю Дня учителя.

Строители и работники торговли, например, в свой профессиональный праздник пьют водку, ходят по городу и будят его воплями: «Виновата ли я, виновата ли я» или «Напилася я пьяна».

Учителя пьют красное вино. А если и выйдут на улицу, то негромко, стеснительно и весьма музыкально напевают романсы. «Белой акации гроздь душистые...» или «Лунной тропею...»

Посидев для приличия, Женечка отпрашивалась домой. Душно, тревожно, тесно. Она обмахивалась салфеткой, задышалась.

Снизу, сверху, справа, слева – люди. Со своими задувающими в вентиляцию запахами, с голосами, пробивающимися сквозь бумажные стены, с семейными любовями и дрызгами... Живёшь, как спеленатый в кокон из чужих человеческих аур.

– Пойду, девчата, – вставала она из застолья. – Дом не велик, а спать не велит. Скотинку пора кормить.

А из скотинки – кошка Сонька. Хотя сколько раз соседи предлагали: то кроликов для развода, то кур. Милое дело: яйца летом, мясо зимой. Хватит травиться этими магазинными мутантами, этими мертвенно распухшими от воды и гормонов куриными Гулливерами.

А из отборного пуха можно мастерить на продажу стёганные нежнейшие одеяла и матрасики. Справить себе куртку, шапку, да хоть тапочки... Как так: жить в своём доме и живности не иметь?

Соседи, кстати, у неё хорошие. Ещё мама говорила: «С роднёй можно ссориться, с соседом – самое худое дело».

Слева от Женечки избу купило большое южное семейство. Непривычно, не местно крикливое, безалаберное, заполошное – но доброе, без камня за пазухой.

Когда пришли знакомиться, принесли в подарок под мышкой красавца, огненного петуха и пару кролей-великанов. Петух тут же выпорхнул из-под мышки и перелетел обратно через забор, к своим жёнушкам.

Женя поблагодарила и отказалась от кроликов. Как представила, что их, доверчивых, беспомощных, с колотящимися сердечками – придётся бить обухом по тёплому кудрявому лобику... Нет, нет, нет!!

Огород – другое дело. Крошечный кусочек земли она обсадила кустами крупной смородины – обожала смородинное варенье, кисло-сладкий морс после бани.

Баня у неё была жаркая, лёгкая. Устанет на работе или озябнет, или женская тоска обует – нырк в разогретое, душистое, орошённое пихтовым маслом нутро. Если и есть маленький рай на земле – то вот он, в твоей личной баньке. Любила париться до изнеможения – это в маму.

В последний раз топила неделю назад, невыносимо хотелось отогреться телом и душой. Окоченели руки и ноги, оцепенело сердце. Только что всем посёлком помогали искать пропавшего соседского четырёхлетнего мальчика.

Ходили, кричали: «Артюшик! Артюша!». Мальчика звали Артёмка. Почти сирота: мама и папа уехали, воспитывали бабушка с дедушкой, дядя и тётя. Южане своих в детдома не сдают.

Тихую деревянную улочку освещало тревожное мелькание красно-синих огней. МЧСники, охотники с собаками, полицейские и ребята-волонтёры прочёсывали окрестности. Причитающую на своём языке, рвущую на себе волосы родню опрашивали следователи.

Женя в предбаннике содрала со стеклянных от холода пальцев мокрые рукавички.

Скинула сапожки, вытрясла набившийся грязный снег. Хоть и апрель, а в низинах ещё лежали тяжёлые, насыщенные талой водой сугробы – хоть выжимай. Днём тепло, до плюс десяти – а ночами морозит по-зимнему.

Пока подбрасывала в печку дрова, пока раздевалась, мучительно думала:

«Если, не дай Бог, что с Артёмкой... Это не первый случай в городе... Где, где бывает в это время Бог?! Или снова остаётся утешаться малоутешительными библейскими мудростями, вроде «человек сам сделал свой выбор» и «дети отвечают за дела отцов своих?»

Что поделаешь, в Женю навсегда, ещё со школы, на всю жизнь въелся атеизм.

В городе, да вообще в стране, терялись и не находились дети. Как это часто бывает, люди придумывали догадки, одна страшнее другой. Передавали друг другу, шептались:

«На органы... В рабство в горы... Для постельных, педофильских утех...»

Вечно пьяненький сиделец из барака, всю жизнь проведший на зоне и списанный по активке, авторитетно хвастал. Дескать, невинных детей братва проигрывает в карты. Не представишь убиенного младенца – лучше по-хорошему мыль верёвку и вздёргивайся в уборной.

Или, допустим, когда «батя» откидывается с зоны – на секретной «базе» в честь события закатывают неслыханный пир горой.

Вишенка на торте – подарок от корешей: ждущее в спаленке испуганное, заплаканное дитя.

А то ещё, вальнут пахана – требуется жертвенный агнец, отпраздновать кровавую тризну.

– Кому вы верите?! Заткнись, заткнись, заткнись! – закричала с ненавистью Женя. – Тебя первого нужно проверить, урка вонючая! Не твоих ли рук пропажа Артюшина?

Вместо ответа сосед совал ей в лицо культи – в последнюю ходку его наказали свои же, лишили кистей. За длинный язык, видать. Лучше бы язык укоротили, чтоб до колен не болтался.

– Проверили уже, – размахивал он культами в завязанных узлами рукавах рубашки. – Вот она, моя бессрочная справочка. Не был, не состоял, не участвовал.

После таких ужасов разве уснёшь?! Никакая баня, никакой успокоительный чай со смородиным листом и мятой не поможет.

А среди ночи в калитку заколотила бабушка пропавшего Артюши. Деду стало плохо, Женечка, сделай укол. Женя до школы работала фельдшером, треть посёлка ходило к ней: то давление померить, то за таблеткой, то за советом.

Это потом, выработав льготный стаж, она увлеклась писанием натюрмортов, пейзажей, портретов – неплохо получалось. Дарила подружкам – не жалко: все простенки в избе увешаны.

Решила посвятить себя любимому делу. А в поселковой школе как раз образовалась вакансия учителя рисования. Дети любили её уроки. Любили слушать рассказы о великих художниках: кого ни коснись – сложная, сломанная судьба. Обожали пленэры: осенне-весенние выходы в лес: «Давайте остановимся, осмотримся... Черпнём душой красоты».

Женя не столько делала укол – сколько оказывала дедушке психологическую помощь. Уговаривала, ворковала, успокаивала. Утешала: вон сколько народу ищут, найдётся Артюша. Он паренёк шустрый, самостоятельный, за себя постоит.

Кошка Сонька всю ночь где-то шлындала, что на неё не похоже. Утром вернулась чужая: грязная, дикошарая, рычит. Снова бросилась к двери и нервно тёрлась о косяк – будто звала хозяйку за собой.

– Кис, кис, а завтракать кто будет, гулёна?

Женя прихватила мисочку с молоком и пошла за ней. Кошка Сонька перед баней настожила, замедлила мягкий шаг, шерсть на загривке у неё вздыбилась: ну чисто собака.

– Неужели хорёк к нам в гости пожаловал?

Женя раздвинула кусты рукой... И миска с молоком выпала из рук, покатила, забрызгав жирными жёлтыми каплями сырой чернозём.

Слегка утонувшая в талом сугробике, под смородиной виднелась детская смуглая ножка в задравшейся штанине комбинезончика.

Перед ней лежал Артюша. Мёртвый, сразу определила она опытным, фельдшерским взглядом.

Вот что бы вы стали делать, обнаружив в собственном огороде страшную находку? Женя бросилась к Артюше... И замерла. Следы! Тут наверняка остались чужие следы, нужно сохранить.

Напрасно она пеклась о следах, посмотревшись детективов. Следователи бесцеремонно ходили вокруг тела, натоптали как стадо мустангов. Утрамбовали сырую землю – хоть танцпол открывай.

Опросы соседей, поиски, обыски в близлежащих домах, подпольях, сараях, гаражах и банях – в поисках улики. Подняли все дела краевых педофилов и насильников. Вызывали десятки лиц нетрадиционной сексуальной ориентации.

Как всегда, помочь раскрыть особо тяжкое преступление, из Москвы приехали сыщики.

Вроде хорошее дело: профессионалы, на поисках детоубийц набили руку. Отвезят пинкарей местным неспешным пинкертонам, придадут ускорение, заставят землю носом рыть. Потянут опытной рукой за кончик ниточки и разматают клубок. А с другой стороны...

Приезд чужих – это же всегда вахта, десант, бросок, аврал. Вносят нервозность, лихорадочность, выслуживание. Начинается грызня между местными, страх, спешка.

Но спешка, как известно, хороша при ловле блох – а никак не в следовательских делах. Здесь нужно не экскаватором котлован рыть – а иголкой щепетильно муравьиные ходы ковырять.

А тут живей, живей! Живей, во что бы то ни стало, найти преступника (или лицо, подходящее под преступника).

Лихо отчитаться, отрапортовать столичному начальству. Быстрее, быстрее вернуться из накуранных гостиничных номеров к маленьким, простительным человеческим радостям: в уютное тепло московских квартир, к жене под бочок, к детям. В накатанную колею привычной службы.

Порой шёпотом передавались, порой в газеты просачивались скупые сведения о результатах экспертиз. Что смерть Артюши наступила за двое суток до того, как его подбросили в Женин огород. Что на ручонке малыша обнаружен генотип неизвестного мужчины.

Что тело мальчонки было тщательно вымытым от крови, а одежда чисто застиранной.

Соседей опрашивали и на дому, и вызывали повесткой в кабинет следователя. С Женей беседовали чаще и дольше всех: главный свидетель.

Она глазом не моргнула, ничего не успела сообразить, как перешла в разряд подозреваемых и была арестована. Чувство: как того кролика ударили обухом топора по лбу.

Ну, а кого ещё прикажете задерживать? Время поджимает, начальство на планёрках рвёт и мечет.

Столичные коллеги деликатно – а чаще прямым текстом – подталкивают к окончанию расследования. Вот же оно, вот, на виду, на поверхности, чего мудрить? Кончай копать и рас-сусоливать: московские жёны, детишки заждались.

Что чувствовала Женя, когда ей доступно объяснили, что все стрелки сошлись на ней, и бесполезно рыпаться? Ничего. Звон в ушах, пелена перед глазами, оупение, ощущение страшной нереальности происходящего.

... Однажды, когда ещё не было газа, Женя протопила в избе печь, рано закрыла вьюшку и легла спать.

Среди ночи её *толкнуло*. Она села, раскачиваясь в постели, ничего не соображая, мотала чугунной головой. Как будто вкололи слоновью дозу клозапина (фармакология со студенчества ещё не забылась).

Угара не чувствовалось. Но сообразила, поползла к двери, распахнула настежь. На крыльце горстями черпала снег, запихивала в рот, отирала лицо...

И потом думала: *что*, или, вернее, *кто* её тогда *толкнуло*? Смерть или Жизнь?

Вот в таком беспамятном, полуобморочном состоянии её препроводили в камеру.

Бессонницу можно терпеть два, ну три дня – это она ещё помнила с дежурств на скорой.

– Понимаете, – терпеливо втолковывали ей, как неразумному ребёнку: – Кроме вас подозреваемых не было, нет и не будет. Свыкнитесь с мыслью: убийца – вы. Будете отпираться – не будете – не имеет ни-ка-ко-го значения. Вопрос в том, скостят вам срок за чистосердечное признание или надбавят за злостный отказ сотрудничать со следствием. Идите, подумайте.

За Женей лязгала железная дверь. Она падала на нары и проваливалась в небытие. Через час её снова поднимали и чуть не под руки, грубо волокли к следователю. Следователь был уже другой: свежий, выспавшийся, румяный. Пах уличной весенней свежестью, хорошей туалетной водой и кофе.

И снова:

– Понимаете, все доказательства против вас. Вы – стопроцентная убийца. Но если вы подпишете признание... и т. д.

Когда два посменных следователя не справлялись – включалась сокамерница. Здоровая бабёха подходила к спящей мёртвым сном Жене. Молча, упорно, больно тыкала, давила, сверлила кулачком спину, поддёргивала за волосы.

– А-а?! – вскидывалась Женя.

– Не спи, не спи. Нечего тут дрыхнуть. Тут те не курорт. Убивица. Невинную душу загубила. Знаешь, что на зоне с такими делают? Страшно сказать, сама в петлю полезешь. А чего ждать, можем и сейчас тебя рылом в парашу окунуть.

«Господа, господа! Вы звери, господа! Вы будете прокляты...»

Женя поняла, что сходит с ума. Она предпочла бы противогаз и пластиковый мешок на голову, обмакивание в унитаз, отбитые почки, может быть, бутылку из-под шампанского... Что там ещё у них в арсенале?

Но что вы: как можно допустить рукоприкладство: она всё же дама, а они, какие-никакие, джентльмены.

Пытка бессонницей – самое то. И рук не запачкаешь, и как бы ни при чём: улики на теле нет. А от этой самой страшной пытки ломаются, плачут как дети и готовы подписать, что угодно, сильные, здоровые мужчины – не то, что эта маленькая учительница рисования.

Неженка, баба, да и возраст: никакого здоровья. То жестоко температурит от ОРВИ, то давление подскакивает под двести. Никаких поблажек, пытка продолжалась в любом состоянии.

Перед Женей высветились два выхода. Быть заколотой в психиатрической лечебнице до состояния овоща – и это на всю жизнь. Или отсидеть огромный срок в колонии – и выйти относительно здоровой. Третьего не дано.

На следующий день соседи смотрели из окошек. Самые любопытные вышли на улицу. «Женю, Евгению Николаевну привезли на следственный эксперимент!».

И она, как зомби, передвигалась, показывала что-то вялыми взмахами рук. Замедленно, вяло ворочая языком, рассказывала то, что по бумажке до этого учила день напролёт. Чтобы ничего не забыть, не перепутать.

За свою покорность она получила щедрый, царский подарок: дали отоспаться сутки.

Сонно, обречённо рассказывала: якобы шла из магазина... Соседский мальчишка Артюша начал баловаться: кидать в неё камушки. Кидать камушки во взрослых людей нехорошо, сказала Женя. Он в ответ показал язык и запустил здоровой галькой.

Дома Женя выложила продукты из сумки. Глянула в окно: сорванец пробрался к её бане и чего-то там копошился. Поспешила туда: так и есть, соорудил горку мусора, чиркает спичками, пытается поджечь угол бани.

– Ах, паршивец! Совсем от рук отбился! – Женя отвесила пацану пару крепких затрецин и тумачков.

Артюша в ответ оскалится как зверёк, сердито запыхтел. Вытащил из комбинезона и начал размахивать перочинным ножиком.

Это вывело Женю из себя. Перехватила из маленькой руки нож – и стала наносить удары:

– Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе!

Пока не пришла в себя. Мальчик не шевелился.

– Не верим! – дружно, в один голос заявили бабушка и дедушка Артёма. – Женя?! Да ни в жизнь!

Потом с ними мягко поговорили в казённом учреждении. Найдена единственная подозреваемая, других не ждите. Намекнули: с неё можно слупить минимум миллион рублей. Если повезёт – два или три.

Ребёнка не вернуть. А миллион – вот он. Можно избу подправить, крышу перестелить. А в противном случае: ни найденного преступника, ни ребёнка, ни денег.

Не правда ли, напоминает средневековье, инквизиторские времена? Донесёшь на соседку, что она ведьма и летает на шабаш – и половина её лачуги и коровёнка перейдут вам.

Слаб человек. Вчера ещё яростно защищающие Женю соседи сегодня давали интервью газетчикам и негодовали:

– Какая лицемерка эта Женя! Как искусно делала вид, что не при чём. А ведь приходила, уколы делала, сочувствовала! Никогда бы не подумали на Женю.

Не знаю как вы, но у меня бы язык не повернулся называть убийцу внука по имени. «Коля», «Слава» – или там «Женя».

Меня бы душило горе и негодование. Ненавистное имя злодея застревало бы на языке. Самые мягкие слова, которые могли придти на ум: гадина, тварь, зверь... А тут «Женя» да «Женя» – как будто даже сочувствие сквозит.

Но, в общем, Женино признание выглядело довольно складно и достоверно.

Я взяла лист белой бумаги и расчертила на две полосы. Слева: «Виновна». Справа: «Не виновна».

В правую колонку вписала настораживающие детали: нестыковки, противоречия, отказы от первоначальных показаний – ими кишело дело.

– Мальчик пропал неделю назад. Но умертвили его за 48 часов до того, как нашли – это первый вывод эксперта (его в суд не вызывали). А Женя якобы убила ребёнка семь дней назад. Нестыковочка.

– Как тело хорошо сохранилось в течение недели? Апрель выдался тёплым, днём температура достигала плюс шестнадцати. Положите на землю кусок мяса – и посмотрите, что с ним станет за неделю.

– На месте преступления крови почти не обнаружено. Что при глубоких ножевых ранениях исключено. Зато следы крови найдены на заборе (будто кто-то перебрасывал через него тело).

– Отпечатков Жениных пальцев, каких либо ворсинок от её одежды на теле не обнаружено. То есть, увидев маленького поджигателя, она натянула резиновые перчатки, как заправский киллер, облеклась в комбинезон и пошла его убивать?

– Родственники Артёма на первых допросах божились, что за два дня до находки возле Жениной бани никакого тела не было. Мамой клянёмся, своими глазами видели. Но на суде отрелись от своих показаний (о, это сладкое слово «миллион»!)

– В первый день пропажи нашлись свидетели, подростки. Они рассказали, как Артюшка играл на улице с двоюродной сестрёнкой. Потом девочка ушла.

Неподалёку остановилось светлое легковое авто. Два взрослых парня подошли, поболтали с ребёнком. Взяли за руку – он охотно с ними пошёл – посадили в машину и уехали.

Подростки-свидетели также отказались от своих слов. Дескать, примстилось.

– На суде Женя сообщила, что признательные показания дала под давлением следователей и сокамерниц. Судья отмахнулся от её слов.

– Женя сразу потребовала проверку на детекторе лжи. Полиграф подтвердил: она не убивала мальчика.

На пресс-конференции начальник СК объяснил данный факт. Дескать, у этой женщины (Жени) очень сильная воля и умение манипулировать окружающими. В том числе детектором лжи. Она притворилась, обманула полиграф, обвела его вокруг пальца! Вот какая сильная женщина!

– Как объяснить неизвестные мужские отпечатки на маленькой ладошке? А следы крови на заборе?

Никак. Блин, что вы всё с тупыми вопросами лезете? Сказано убийца, значит убийца. Поздно, поезд правосудия ушёл.

Левая колонка «виновна» у меня осталась практически пустой. Кроме строчки: «Сама призналась в убийстве». А, как известно, признание – царица доказательств.

А вы что, наивно полагали, что этот листок «не виновна» – в пух и прах разнесёт 38 толстых папок дела? Что судья прозреет, а 12 независимых заседателей (она сама настояла на суде присяжных) её оправдают?

Девять за – трое против. Жене дали тринадцать лет заключения строгого режима.

Когда-то давно, в начале моей практики, я принесла в канцелярию на вычитку статью под рубрикой «Из зала суда». В статье я позволила себе робко засомневаться в объективном приговоре суда.

– Что-о-о?! Да как вы смеете?! Кто вы – а кто суд! – крикнула мне в лицо, как плетью хлестнула, Верховная судья.

– Я? Я человек, – пробормотала я.

Правда, я не знаю, что там случилось возле бани. Но знаю, что маленькие дети то и дело исчезают. И очень, как-то подозрительно быстро, за считанные дни находятся преступники.

А похищения продолжаются, и их всё больше – хотя, по логике, должно быть наоборот. Может, всё-таки ловят не так и не тех?

Отчего-то вспомнился рассказ Джека Лондона. В приморской индейской деревушке произошло убийство.

Понурые жители выстроились в кружок, вокруг горящего костра.

В животном ужасе подвывают женщины. Перетаптываются сумрачные мужчины.

Испуганно хнычут маленькие дети и утыкаются в материнские юбки. Ведь даже в грудничка может вселиться дьявол, и он окажется преступником. Тогда его бросят в терновый куст, где он будет пищать и клёкать ещё несколько дней, пока его не склюют птицы.

Шаман уже напился своего дурманящего варева, нацепил перья, ракушки и зубы. Вышел из хижины. Раскрутился волчком и, закрыв глаза, бормоча и напевая, кружится с вытянутым указательным грязноватым пальцем. Люди раскачиваются в такт и заунывно поют.

Кружение всё бешенее и пестрее, песня всё тоскливее, всё громче воют люди, входя в транс.

Когда шаман резко остановит вращение, длинный кривой ноготь упрётся в грудь первого попавшего.

Толпа облегчённо выдохнет: на этот раз Перст Судьбы оказался милостив. Не я! Не меня! Мстительно взревёт – и чёрная туча камней затмит солнце, сыпясь и побивая несчастного.

Нет, никаких намёков, ассоциаций... Просто вдруг пришло на ум.

Моя знакомая живёт в частном доме. Однажды увидела в дальнем углу огорода кучку тряпья – и у неё случился сердечный приступ. Оказалось, упало прошлогоднее чучело.

Она призналась, что панически боится выходить в огород. Упросила мужа обнести его высоченным гофрированным железом и протянуть поверху колючку. Это на случай, если *настоящему убийце* понравилось избавляться от трупа необременительным и надёжным способом. Подкидывая тело в чужой огород – и ноу проблем.

Знакомая и её соседи боятся открывать баню, гараж, багажник собственного автомобиля. Что делать, спрашивают они? Что делать, если вы однажды утром *обнаружите там труп*?

Ничего. Вы – жертва. Замрите, парализованные страхом, и трепещите. И молитесь, чтобы не вы. Чтобы не вас.

Я посоветовала знакомой срочно по периметру развесить камеры. И, не приведи Бог, *если что* – быстренько наделать много-много копий и спрятать в нескольких надёжных местах. А то плёнка в кабинете следователя может таинственным образом засветиться или исчезнуть.

В доме тоже натывать камер, желательно в каждом углу, чтобы просматривалась вся комната.

Выходя по делам, в каждой конторе брать справки. Был там-то по такому-то вопросу. Пришёл в 15. 45, ушёл в 16. 15. Фирменный бланк, подпись, печать. Алиби.

Оставаясь в безлюдных местах, непрестанно самого себя селфить, вслух комментируя свои действия:

«Вот я иду по двору. Вхожу в подъезд. Захожу в лифт. Никого не убиваю. Никого не убиваю. Никого не убиваю...».

Вот что надо делать. А потом всем друженько бежать к мозгоправу лечить паранойю.

А если серьёзно... Давайте будем осторожны, и беречь себя и своих детей. Потому что оставшиеся на воле безнаказанные, истинные убийцы вдвойне, втройне опаснее. Циничнее, опытнее и дерзновеннее.

Камень, камень вокруг. Высоко вверху лампочка – тоже в решётчатом корсете, тоже пленница здесь.

– Бог даёт каждому испытание. Мне выпало – такое... Но к чему давать испытания, которые множат Зло? – думала Женя. Она и рада бы заснуть, кончилась пытка бессонницей – да не может.

Зло представляется ей коричневой зловонной субстанцией. – Даже самое маленькое зло, совершённое над одним человеком, не пропадёт бесследно. Зла много накопилось на Земле – и оно растёт и пухнет, как на дрожжах. Таится, копит силы, чтобы прорваться нарывом то в одном, то в другом месте. И тогда не спрашивайте: ведь я такой хороший, за что?!

МОЛЧАНИЕ ДЕВЧАТ

Есть старый добрый (в смысле «добротный») триллер. Николь Кидман в роли убитой горем молодой женщины. На операционном столе она потеряла не только будущего малыша, но и счастье стать матерью.

За врачебную ошибку страховая компания выплачивает ей 20 миллионов долларов. Стол переговоров, адвокаты, скорбно опустивший лицо хирург. Николь в трауре, с неподвижным от страдания, негодования и презрения лицом...

Пачкаться о какие-то паршивые 20 миллионов, когда такая трагедия... Ну, там дальше сюжет резко закручивает в другую сторону.

А буквально на следующий день по телевизору передача о смерти трёх близняшек в перинатальном центре – не киношной смерти, а настоящей. Как они умирали один за другим. Как врачи скрывали от матери причину смерти.

– А-а-а! – вскрикивает от ужаса аудитория.

Из-за занавеса выходит другая женщина: недавно в том же центре потеряла дитя.

– Ы-ы-ы! – возмущённо стонет аудитория.

И ещё пострадавшие от той клиники: супружеская пара, осиротевшая без долгожданного младенца. Но они не собираются опускать руки. Они будут бороться.

– О-о-о! – одобрительно гудит аудитория.

А вот этой матери удалось отсудить у больницы компенсацию за умершего ребёнка и потерю репродуктивной функции (удалили часть матки). Не 20 миллионов долларов, конечно – а миллион рублей. Но, сами понимаете, с паршивой овцы... (Аплодисменты зала).

То есть, подвижки наблюдаются: граждане потихоньку учатся защищать своё и своих детей здоровье, жизнь, честь и достоинство.

Меня раздирают противоречивые чувства. Тут нельзя судить с одной колокольни. Бывает, наши врачи совершают чудеса – их зарубежным коллегам и не снились. На старой аппаратуре, за свою позорную, копеечную зарплату, совершают невозможное. Вытаскивают человека с того света.

Поэтому у хирургов ранняя смертность. Изнашивается сердце. Ну и печень: пациенты благодарят фальсифицированным коньяком в красивых коробках. Не нарочно: просто другого, не суррогатного, в магазинах нет.

Кто-то спасает, а кто-то убивает своим непрофессионализмом, равнодушием и хамством.

Можете не соглашаться, но это отношение врачей к больным пришло из советского прошлого. Когда Кобзон задушевно пел по радио: «Лишь нагнутся к постели твое-ей люди в белых хала-атах». Тогда всё было дефицитом – и внимание человека в белом халате, в том числе.

Какому доверчивому советскому пациенту, в каком бреду, могло придти в голову в то время подать суд на врача? Тем паче: посадить его в тюрьму. Тогда врач был – Царь и Бог, монументален как памятник. Кто же памятник посадит? Кто же с Богом судится?

Вот и отпрыгнулось врачам то золотое советское времечко.

Если вы думаете, что сегодня женщин унижают и оскорбляют меньше – ошибаетесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.